
Борис Ветров

«Чайка» для Лазаря

Рассказ

На самом деле его звали Серёга. Серёга Лазарев. У него были круглые и всегда удивленно-испуганные глаза, как у голубя, которого только что кормили пшеном и внезапно схватили за крылья. И пальцы у Лазаря тоже были похожи на лапки голубя — красные, тонкие, цепкие.

Лазарь был из барачных. Рядом с нашими новыми пятиэтажками уцелел кусок улицы из четырех двухэтажных неблагоустроенных домов. Там жили своей особой жизнью. Там ругались, дрались, пели и плакали, резали свиней и таскали в ведрах помои. Ведра выливали в вонючую, заваленную хламом яму посреди этого хуторка. Барачные отличались свободой быта и не ограничивали себя этикетом. Однажды, когда 9 мая я позвал барачного Валерку к себе на балкон пятого этажа смотреть салют, его мать равнодушно ответила на восторженный вопль: «Мамка, а я вот где»:

— Смотри, не грёбнись оттуда!

Верховодил у барачных дядя Вася. Всегда ухмыляющийся, подмигивающий, пьяненький; когда он шел по кварталу, вся окрестная шпана кралась за ним толпой и скандировала: «Дядя Вася, не поймашь! Дядя Вася, не поймашь!» Временами дядя Вася резко тормозил и гнался за нами. Мы в великом восторге, визжа, улепетывали от него, чтобы затем продолжить шествие. Тетки в кримпленовых платьях сварливо выговаривали нам: «Зачем вы дразните взрослого человека? Пусть идет». Но мы-то знали — для дяди Васи это была такая же игра, как и для нас. Пробегавшись, он приходил домой уже почти трезвым.

Дядя Вася умел снимать с деревьев запутавшиеся воздушные змеи, вырезать из вербы свистульки, играть на гитаре и петь какие-то странные песни. И еще гасить в самом зародыше драки. Он, ухмыляясь, втискивался в эпицентр зреющей потасовки, и толпа рассасывалась после его двух-трех слов. Барачные пацаны хвастались друг перед другом, если у них гостил дядя Вася. А в гости его зазывали часто.

— У нас-то дядя Вася, понял!

— Ой, ну и чо, они вчера у нас с батей чай со свиньей пили.

Это значило, что к столу была подана специально приготовленная для дяди Васи свинина.

Борис Ветров (Витковский) — родился в 1968 году в Чите. Работал на заводе, служил в армии, трудился на приисках. Главный редактор и совладелец ежемесячника «Чёрная газета». Печатался в журнале «Урал». Живет в Чите. В «Дружбе народов» публикуется впервые.

* * *

Лазарь жил на втором этаже, над квартирой дяди Васи. У него была большая и злобная мать. Она работала на хлебозаводе посменно, и Лазарь был обречен на ведение хозяйства. Иногда, идя с работы, она останавливалась возле нас, вынимала из недр дерматиновой сумки горячую булку хлеба и молча совала нам. Мы разрывали ее на части, стараясь урвать побольше хрустящей корочки, и шли запивать теплый мякиш вкусной водой из колонки за водосточной канавой. Вот с этой канавы все и произошло.

Для нас это была совсем не канава, а настоящий фронтовой окоп. Дно было песчаное, мягкое, оно позволяло лепить колобки для обстрела неприятеля и возводить дополнительные фортификационные сооружения. В те годы мы чаще всего играли в войну. И хотели служить в армии.

После войны, на втором месте была игра в машинки. И не просто в машинки — это был спорт, коллекционирование макетов автомобилей в масштабе 1:43. Такие модели продавались только в киосках «Союзпечать» и стоили очень дорого — три пятьдесят. Самые заядлые коллекционеры копили деньги всеми возможными способами, чтобы в конце месяца похвастаться очередной новинкой. У этих машинок были резиновые шины, подвеска из стального тонкого прута, у них, как у настоящих авто, открывались дверцы, капот и багажник. Чем больше было машинок в коллекции, тем выше был авторитет ее владельца. Машинки выносили во двор, где счастливые автовладельцы объединились в свой клан. Они строили дороги, мосты, ставили дорожные знаки и не подпускали к своим играм безлошадных.

Моя коллекция была маленькой — ее и коллекцией было трудно назвать. Были: «Москвич-412», «Москвич-403», «Иж-Комби» и единственная иномарка — «Альфа Ромео Джулия». За нее ушлый делец — одноклассник Мися — предлагал мне милицейскую «Волгу» и даже сверхдефицитный «УАЗ». Но итальянка мне нравилась больше.

У Лазаря машинок не было вовсе. Вообще у барачных с игрушками было плохо. Они делали самострелы из бинт-резины, вырезали из досок сабли и ружья и в складчину покупали в «Старте» футбольный мяч — черный и жесткий, как гигантский жук-скарабей. Такой мяч надо было несколько дней распиновать о стену, чтобы он стал пригоден к игре. Когда мы играли в машинки, Лазарь сидел на скамейке в нашем дворе, если там не играли в домино мужики. Когда приходили доминошники, он топтался поодаль и жадно наблюдал. Старший барачных пацанов по кличке Снегурочка (кличку ему дали в насмешку — на самом деле он был очень смуглым черноволосым татаринном), идя курить за гаражи, говорил нам: «Дайте поиграть пацаненку, чё вы как жлобы?» Но не уступающий ему в силе Слава-Сало с нашего двора отвечал: «Дай уехал в Китай, беги догоняй».

— Вот богачи проклятые, — сплевывал Снегурочка.

— А вы — бедняки, — парировал Слава-Сало.

Так барачные превратились в бедняков. Иногда, идя на стадион или в лес, мы говорили — ну что, бедняков берем с собой?

* * *

Однажды мне привалило неожиданное счастье. Мне подарили сразу две машинки, да какие! Это были никогда не попадающиеся в продаже модели советских лимузинов «Чайка». Одну машинку достала через знакомых мать, а вторую где-то умудрился тоже по благу достать дед — персональный пенсионер и лауреат Сталинской премии. Когда я впервые вынес во двор обе «Чайки», мой авторитет на время вырос невероятно.

Теперь я решал, где прокладывать дороги, и руководил ходом работ. Одна «Чайка» была всегда при мне. Вторая под моим жестким контролем на время переходила к одному из наших. В обмен я брал у них «Жигули» или «Рафик».

Лето, которое в детстве казалось бесконечным, шло к исходу. Уже краснели в частных садах ранетки, и мы совершали диверсионные вылазки за урожаем, испытывая восхитительное чувство опасного азарта. Возвращались из лагерей и поездок на юг соседские пацаны. Во дворах делалось все оживленнее. Никто не хотел думать о скором сентябре и начале занятий. Каждый августовский день мы проживали как одну маленькую жизнь, и впитывали его всеми порами души и тела. И домой родители нас загоняли при свете звезд.

Однажды я вышел во двор очень рано. Еще только собиралась на работу мать, попутно снаряжая хныкающего брата в детсад. А я, предвкушая бесконечный день, с двумя «Чайками» расположился на уцелевшем пяточке в углу двора, возле сараев, где родители бедняков хранили дрова. Я строил для «Чаек» гараж, и когда потянулся за куском картона (он должен был стать крышей), увидел стоящего за покрытой твердыми коричневыми стручками акацией Лазаря. Он не отрываясь смотрел на мои «Чайки». Я, испытывая какую-то подленькую гордость и чувствуя свое превосходство, сделал вид, что не вижу его.

Лазарь постепенно подходил все ближе и ближе, как голубь, заметивший у скамейки хлебную корку, но при этом боясь сидящего на этой же скамейке человека. Я пару раз глянул на него. Заметил вытянутые на коленях трикушки, коричневые сандалии на босу ногу и немые, в каких-то пятнышках, ступни. И промолчал. Лазарь подошел еще ближе. Затем присел на корточки.

— Это чё, «Чайки», да?

— «Чайки», — равнодушно ответил я, словно у меня в запасе был целый автопарк. И тут же стал перечислять, что у меня дома есть еще.

— А я один раз катался на «Чайке». Настоящей! — неожиданно сказал Лазарь и, боясь, что я ему не поверю, стал быстро рассказывать.

— У дяди Васи друг есть. Он в гараже работает. В обкомовском. Тама у всех начальников машины стоят. Меня дядя Вася такой взял туда однажды. К другу. Они там чё-то ремонтировали. А этот друг, он на «Чайке» ездит. Ну и такой говорит мне — чё, Серёга, хочешь прокатиться? Там внутри так зековско. Диван и еще вот тут сбоку стульчик откидывается. И ковры лежат. Правда-правда, ковры.

Я слушал Лазаря, скрывая досаду. Я никогда не был внутри «Чайки». А Лазарь, кажется, не врал. Он вообще мало разговаривал — все больше смотрел и молчал. А тут разговорился. Наверное, потому что рядом не было Славы-Сало. Он гонял бедняков с нашего двора.

— Там еще руль такой белый, радио есть и еще стекло внутри. Типа можно от шофера закрыться, чтобы он не слышал, о чем говорят. Там же разные генералы ездят. А они про военные тайны говорят.

Я завидовал все больше. У родителей машины не было вообще. А у деда был «Москвич-412», на котором мы ездили на дачу или на Арахлей. А тут какой-то бедняк Лазарь — и в «Чайке». Я хотел сказать, что сто раз ездил в такой машине. Но почему-то не смог. А Лазарь наконец осмелел и сказал:

— А дай «Чайку» подержать?

Я дал. Лазарь взял «Чайку» осторожно и не стал возить ее по земле. Он уселся на траву и начал рассматривать, поднеся близко к глазам. Потом он открыл дверцы и багажник. Открыв капот, Лазарь сказал «Ни фа себе», — во время нашего детства эта фраза значила «ни фига себе». Под капотом была точная копия двигателя. Он сверкал хромированным покрытием. Только наглядевшись на машинку, Лазарь спросил:

— Можно, я ее покатаю?

Я кивнул. Лазарь, сопя, стал медленно катать машинку по свободному кусочку

земли. Он поворачивал в разные стороны, давал задний ход. Разворачивался и опять катил «Чайку» по кругу.

Хлопнула подъездная дверь. Показался Слава-Сало. Лазарь быстро оставил машинку и через заборчик, отделяющий наш двор от сараев, смылся на свою территорию.

Слава-Сало вынес два яблока.

— На, жри, бабка привезла с Кубани вчера.

Яблоко было непривычно большим и сладким. «Чайку» Сало взял без всякого разрешения — он имел на это право.

— Ништяковская так-то машинка. А знаешь, сколько она стоит?

Я не знал.

— Короче, все наши машинки — по три пизят. А эта — четыре пизят. Вчера с дедом бабу встречали в аэропорту, я там в киоске видел. Только мне ее не купили. Денег не было, — вздохнул Сало. — Пошли за ранетками?

За ранетками мы ходили в лесополосу, лежащую за канавой. Там круглосуточно гудела трансформаторная подстанция. За сетчатой оградой висел тучный урожай. Забираться туда было запрещено под страхом лютого наказания. По мнению родителей, там могло убить током, причем так, что от нас осталась бы кучка пепла. Кроме того, хоть территория подстанции была всегда пуста, мы верили, что где-то, в одной из этих будочек, сидит сторож с ружьем наизготовку. Ружье, по рассказам старших пацанов, было заряжено крупной солью. Нам даже говорили про какого-то не то Пивовара, не то Перевала, которому в зад прилетел такой заряд и он орал несколько часов, пока отмачивал задницу на водоразборной колонке.

— Штаны снял такой и орет. А жопа под краном. Мимо девки идут. Зырят такие. Письку видно.

В этот раз за ранетками мы не пошли. В канаве засели наши лютые враги — пацаны из соседнего квартала. В нас кучно полетели песочные коlobки.

— Бей журавлёвских! — орал из канавы солдат с улицы Кочеткова. Правда, в атаку они не пошли — Слава-Сало схватил кирпич, и противник бежал под мост.

— Во оборзели, — психовал Сало, отряхивая волосы и рубашку от песка. Надо гнать их из нашей канавы. Штаб надо делать.

Мы вернулись во двор, и тут же Сало получил крепкого леща от своей бабки, которая попалась нам навстречу — она уже бежала на шум минувшей битвы. Получил он за то, что мокрым песком была измазана не только голова, но и нарядная вязаная безрукавка, привезенная вместе с яблоками с Кубани. Сало был приговорен к лишению свободы и уведен домой. Из подъезда раздался его рев — бабка приложила ему еще раз, и от души. Я же стал думать о штабе.

Лучшим местом для него было пространство под мостом. Если даже кочетковские займут канаву, их можно легко обстрелять и укрыться. Вот только чем?

Через десять минут я уже сидел дома за своим письменным столом и рисовал отцовскими фломастерами схему штаба. По замыслу, он должен был иметь основную и запасную выходы. Нужны были двери или хотя бы доски, а также гвозди, цемент и веревки. Я не был инженерным вундеркиндом — просто не так давно перечитал «Таинственный остров», где было очень много сцен строительства укрытий и благоустройства пещер.

* * *

Строительство штаба я решил держать в тайне. Стоило рассказать о нем Салу, и в этот же день про штаб узнали бы все — и враги, и друзья. Потому надо было запастись материалом и подумать, кого позвать на помощь. Как назло, все дворовые пацаны были заняты. Цыба лежал со сломанной ногой (сорвался с забора, уходя от погони владельца сада), Свешника увезли убирать урожай на дачу родители, Кадоча

еще не приехал, а вундеркинд Димка Головатый в наших делах участия не принимал. Прочие же пацаны были слишком мелкими, чтобы посвящать их в такое важное дело.

Я отложил рисунок и опять пошел во двор. Обе «Чайки» привычно поблескивали у меня в кулаках. А во дворе опять топтался Лазарь. Увидев меня, он уже не боязливо, а как-то привычно подбежал и спросил:

— Вынес «Чайки»? Дашь покатать?

И тут во мне возникла, вползла в мое сознание пакостной змеей одна мысль. Я до сих пор не могу понять, откуда и что взялось. У меня — обычного пацана с окраины, из самой обычной советской семьи с доходом родителей «от получки до получки», из каких-то глубин генной памяти вылезли барство и родовая польская спесь.

— Слушай, Лазарь! — сказал я, и даже немного испугался — я никогда раньше не говорил таким голосом. Я замолчал и даже оглянулся. Вокруг никого не было, только у первого подъезда мать Игорёхи Скворцова тащила его, упирающегося и ревушего, домой, да на скамейке сидела бабка из второго подъезда, которую мы все считали злой колдуньей.

— Слушай, Лазарь, — опять сказал я уже более уверенно, хотя все еще удивляясь новым тонам своего голоса. — А хочешь я тебе одну «Чайку» дам на целый день поиграть? Даже домой. Даже на ночь!

Лазарь молчал, непонимающе смотрел на меня круглыми голубиными глазами, шмыгал и перебирал руками-лапками.

— Машину. «Чайку». Дам. Поиграть.

— Да ну, ты не дашь же, — Лазарь почему-то посмотрел вверх. Над ним пронеслась стайка голубей.

— Дам. Зуб на мясо. Слово пацана. Только не за просто так.

— А чё?

— Работать будешь.

Меня уже всю несло незнакомое до этого какое-то возбуждающее чувство власти над другим человеком.

— У тебя ж дядя Вася в друганах?

— Ну, он заходит там... чай когда попить с мамкой.

— Он на стройке работает?

— Ну! Сторожем.

— Вот. Надо достать у него цемент и доски. И притащить все это под мост на канаве.

— А нафига? — впервые за все время спросил Лазарь.

— Значит надо. Это пока военная тайна. Выдашь кому — машинку не получишь. А получишь по роже. Короче, дуй за досками и цементом.

Стройка была рядом. Тогда наш микрорайон все еще застраивался, и мы часто носились по стройке, находясь в нескольких мгновениях от смерти. Можно было легко сорваться с кирпичной кладки и рухнуть с высокого этажа. Но мы не ощущали значения слова «смерть». Часто, сбегаясь на звуки похоронного оркестра, мы рассматривали желтых или синюшных покойников. Все они были старыми бабками и дедами. И мы знали, что до этого возраста с нами ничего не случится. Мы глядели на мертвецов с каким-то биологическим интересом и слушали звуки явно нетрезвого оркестра. Потом гроб с покойником загружали в кузов грузовика с опущенными бортами и в таком виде везли на кладбище. Более скромные родственники усопшего затягивали гроб в автобус, на дверце которого были написаны какие-то зловещие черные буквы «САО ГУКХ». Выхлопные газы смешивались с запахом тления, и с тех пор бензиновые пары напоминают мне о покойниках.

Лазарь вернулся со стройки быстро. Он опять стал заглядывать куда-то вверх и перебирать руками-лапками.

— Это самое. Сейчас никак — там прораб. Дядя Вася сказал — вечером. И это... он тяжелый. Может, вместе?

Я продолжал оставаться мелким паршивым барином.

— Лазарь, я тебе за работу машинку даю. А если я тоже буду работать, то ты мне что?

Лазарь не нашелся что ответить.

Вечером, когда уже стало прохладно, когда август больше напоминал сентябрь и мне надоело сидеть на парапете канавы, потный и пыльный Лазарь волоком притащил полмешка цемента. Мы сгрузили мешок под мост и закидали мусором, который накопился в канаве.

— А... машинку... дашь? — спросил Лазарь.

— Вот построим штаб, тогда дам. Сказал же. А где доски?

Лазарь опять пошел в сторону стройки. В это раз я пошел за ним. Не потому, что мне стало стыдно. А потому, что просто надоело сидеть одному. Дядя Вася разрешил взять нам несколько широких половиц. От него пахло кильками, и он торопился в бытовку — там его кто-то ждал, и оттуда, продираясь сквозь хрип приемника «Турист», Пугачёва пела про то, чтобы лето не кончалось.

С Лазарем мы договорились на девять утра.

— Возьми пилу, молоток и гвозди! — приказал я.

— А... у меня нету, — ответил Лазарь и опять стал смотреть вверх. Голубей уже не было. Темнело.

— Ладно. Я сам найду. Давай, пока.

Утром я вынес контрабандой кое-какой отцовский инструмент. Впрочем, отец пользовался им редко. Он вообще был равнодушен к мужским радостям домашнего созидания. Потому исчезновение пилы, молотка и двух десятков гвоздей никто не заметил.

Было прохладно. Задувал настоящий осенний ветер. Лужи после ночного дождя были похожи на стиральные доски от ряби. Лазарь ждал меня в канаве. Он был похож на нахохлившуюся от мороза тощую птицу. Круглые голубиные глаза смотрели из канавы на меня с тревогой и надеждой.

— Это самое, — сказал он. — Мне, это... сегодня домой надо пораньше. Мать сказала стол покрасить и табуретки.

Я впервые слышал о такой домашней работе. Подмести, помыть пол. Вынести мусор. Наконец, сходить за молоком — куда ни шло. Но красить мебель...

— У вас что, стол крашенный? — спросил я, вспоминая привезенный в начале лета полированный раздвижной стол, который где-то достала моя бабка.

— Так а чё, конечно. И табуретки еще. Четыре. К нам родня приезжает. Вот, надо... — он явно не закончил фразу.

— Ну, смотри сам. Я один буду работать тогда.

— А... машинка?

— А за что?

— Ну, хоть просто на один вечер?

— Не-не. Так не бывает. Я дал слово, что отдам машинку, а ты — что построишь мне штаб. Сказал — делай.

Я уже понимал, что поступаю не просто плохо, а подло. Я помнил, как вчера Лазарь притащил полмешка цемента и потом долго не мог отдышаться. Но я никак не мог отказаться от этой захватывающей роли командира и начальника. Наверное, потому что во дворе я был одним из рядовых пацанов. И уважали меня только за две «Чайки». И за то, что я знал много страшных историй. Никто не догадывался, что я сочинял их на ходу.

Лазарь внезапно как-то передернулся и весело сказал:

— Ну и фиг с ним. Успею. Покрашу. Пошли строить.

* * *

Строили мы долго. Надо было периодически следить — не окружают ли нас кочетковские пацаны. Потом мы с трудом пилили доски. Пилил Лазарь, а я лишь держал их, прижав к парапету. Потом замешивали раствор — я видел, как это делал дед на даче. Лазарь таскал песок, гравий и воду в принесенном из дома ведре. Потом мы укрепили доски в растворе, и они, наконец, отгородили пространство моста с двух сторон. И также с двух сторон мы сделали два тайных лаза — две доски вынимались из застывших цементных пазов.

Вылезли мы из канавы, когда уже явно вечерело. Лазарь перепугался.

— Блин... стол... не дай Бог, мать пришла с работы! Короче, я побежал. А?

— Ну, давай, — милостиво согласился я.

— А... машинку?

— Завтра, Лазарь. Видишь, с собой нет. Не играть же шли.

Лазарь посмотрел на меня круглыми глазами, в которых, нет, была не обида и не злость. Он словно жалел меня за то, что я оказался такой сволочью и что я сам понимаю это.

— Завтра вынесешь? — как-то равнодушно спросил он, по привычке глядя вверх.

И опять стайка голубей проскользнула над ним. Именно над ним — не над нами.

— Утром вынесу. Только еще штаб проверю — как там все у нас держится.

Мы разошлись. Домой я не торопился. Мать была на дежурстве в больнице, а отец пропал в геологоразведочной экспедиции. Дома с братом возилась бабушка. Я посидел во дворе. Никого не было. Меня опять потянуло в штаб. Но теперь там было темно и страшно. Мне даже показалось, что за досками притаился кто-то серый, без лица. Я выскочил из канавы, и тут услышал крик. Кричали из барачков. И кричал явно Лазарь. Я прокрался под окно его квартиры.

— ...сука такая... где весь день шлялся? Я тебе, тварина, что сказала сделать? Чего мычишь, придурок?

Это орала на Лазаря мать. Когда она приходила с работы пьяной, то отрывалась на сыне за всю свою никчемную тухлую жизнь. Она била Лазаря деревянными щипцами, которыми достают белье из бака после кипячения.

— Мамооочкааааа... не наааадо. Я не будууууу! — завывал Лазарь, и я отчетливо представил, как он в ужасе смотрит на нее круглыми голубиными глазами и судорожно сжимает руки-лапки.

— Я тебе, сука, дам «не буду». Я тебя захлестну. Высерка папашиного.

— Аааааааааа, мамааа, больно... больно! — орал Лазарь.

Внезапно для себя я заревел и побежал во двор бедняков. На скамейке ухмылялся и курил дядя Вася.

— Дядя Вася! Там мать Лазаря убивает! Помоги!

Дядя Вася поднялся, подтянул штаны и пошел в подъезд. Там крики Лазаря и его матери слышались еще сильнее.

Дядя Вася толкнул дверь — она открылась.

— Тома, ты чё, вольтанулась совсем? Ты ж убьешь ребенка! — как-то мягко, но страшно-спокойно сказал дядя Вася.

Мать Лазаря тут же присмирела, бросила щипцы на диван и ушла на кухню. Избитый Лазарь валялся на полу. Дядя Вася поднял его и уложил на диван, сбросив щипцы на пол, покрытый облупившейся коричневой краской. Он задвинул их ногой под шкаф.

— Ничё, Серёга. Меня на малолетке менты набивным мячом буцкали. Месяц кровью ссал. Терпи.

Лазарь трясся и всхлипывал. И тут он увидел меня. Я никогда не был у него дома. Я в одно мгновение запомнил неровную стену беленой печи, перевернутые стол и

четыре табурета, лежащие на расстеленных газетах, старый желтый комод, на котором запомнилась странно-нежная для этой обстановки фигурка балерины. А между рамами окна лежала посеревшая вата с тусклой елочной мишурой. «Странно, — мелькнуло во мне, — ведь до нового года еще далеко».

Увидев меня, Лазарь сел, и я в глазах его прочитал: «Машинку принес?»

— Лазарь, — сказал я. — То есть, Серёга. Ты жди, я шас приду. Ты погоди! Я за машинкой!

Я пронесся все пять этажей, промелькнул мимо что-то буркнувшей бабушки, взял «Чайку» и побежал обратно, перепрыгивая через несколько ступеней. Во дворе мне попался только что приехавший с дачи Свечник. Он колупал здоровенный подсолнух. Я залетел в барак и заскочил на второй этаж. Дверь в квартиру Лазаря была приоткрыта. Дяди Васи не было. Лазарь стоял в углу. Мать злобно красила табурет. Окно было распахнуто настежь.

— Тетя Тома! — боясь этой страшной пьяной женщины, сказал я.

— Чё надо? Вали отсюда. Тут у тебя друзей нет. Это чучело наказано.

— Да я знаю, тетя Тома. Это же я виноват. Я его не отпускал домой. Мы играли.

— А ты — повернулась она к сыну, — почему позволяешь помыкать собой? Он вишь, какой весь чистенький и беленький. А я вот такие ботинки тебе купить не могу. Дорого, сука, — провыла она, опять становясь страшной и поворачиваясь ко мне.

— Чё тебе надо-то?

— Я Лаза... Я Серёге машинку принес. Это его. Я ему подарил. Насовсем.

При слове «подарил» Лазарь засветился своими глубинными глазами и кинулся из угла ко мне.

— Это чё, точно мне?

— Куда выскочил? Кто разрешал?

— Ма! Я только машинку взять и опять в угол.

— Ишь, какой барин. Машинки он дарит. Что, денег много? А у меня вот мало. А ты зачем берешь подачки у этих?

— Мама... это же «Чайка». Настоящая. Такой больше ни у кого нет, только у Борьки, и у меня.

— Ты еще поговори мне, гаденыш! А ну, дай сюда!

Мать вырвала из лапок Лазаря «Чайку» и швырнула ее в раскрытое окно. Машинка мелькнула в сумерках падающей звездой.

— Мамааааа!!! Ты что!!! — завопил Лазарь. Он завопил куда сильнее, чем тогда, когда его лупили, и бросился из квартиры.

— Стоять! Я тебя зашибу ведь, — орала тетя Тома и даже хотела погнаться за ним, но грузно осела на диван. От нее пахло вином и еще чем-то отвратительным. Я побежал за Лазарем. И выбегая из подъезда, услышал визг тормозов. Я бежал и уже почему-то знал, что сейчас увижу.

Наискосок улицы стоял «Газик». В нем сидел вцепившийся в руль мужик с ярко-белым лицом. Лазаря нигде не было.

Я нашел его в канаве. В той самой канаве, в которой мы провозились весь день. И теперь он опять вернулся в нее. Круглые голубиные глаза моргали часто-часто. Слева на виске была небольшая ссадинка, контурами похожая на Австралию. Одна лапка Лазаря часто билась о бетонную стену канавы. Другая сжимала «Чайку». Лазарь посмотрел на меня. Скосил глаза на машинку. Потом как-то мелко задергался и замер. Круглые глаза потускнели и полузакрылись. Только сейчас я увидел, что у канавы стоит много народу. В канаву спрыгнул дядя Вася.

— Ну-ка, пацан, сдерни. Тут шас начнется.

Он зачем-то вынул из руки Лазаря машинку и отдал мне.

— На, спрячь.

Я вылез из канавы. Сделал несколько шагов. И тут меня ударил в живот кто-то невидимый. Я согнулся, и меня стало рвать. Рвало долго и сильно, пока из желудка не пошла, выплескиваясь с последними спазмами, горькая желчь. Я пошел полоскать рот на колонку. Лазаря уже достали из канавы, положили на обочину и накрыли брезентом. В толпе стояла мать. Она бубнила одну и ту же фразу:

— А я каво? Он побежал. А я каво? Он как побежит. Каво я сделаю-то?

Я решил, что убью ее, как только раздобуду хороший нож или сделаю лук с настоящей стрелой. Но я не успел этого сделать. Через полгода Тамару зарубил топором собутыльник. Ее, голую и окровавленную, с расколотой головой, вынесли на одеяле и бросили в кузов фургона. Я этого не видел. Мне рассказал Слава-Сало.

Лазаря хоронили в простом гробу, который даже не был обит красной материей. Не было оркестра. Вынесли из дома крышку гроба, табуретки, потом на плечах дяди Васи и еще одного соседского мужика выплыл гроб со странно длинным Лазарем. Он был одет в обычную школьную форму, только пионерского галстука на нем не было. Выла какая-то старушонка. Мать стояла молча и отрешенно, и только часто прикуривала «Приму». Гроб постоял у дома несколько минут. Затем его уволокли в нутро воняющего бензином автобуса с черными буквами «САО ГУКХ». Я полез в автобус. Никто мне ничего не сказал.

На кладбище все было быстро и буднично. Мать сказала: «Прости, сыночек», — и опять закурила.

— Чё, забываем? — спросил могильщик.

Я подошел к гробу. Я боялся мертвого Лазаря. Я боялся, что он схватит меня сейчас птичьей лапкой и откроет круглые мертвые глаза. Но я все равно подошел к нему. И положил в гроб машинку. «Чайку». Не ту, с которой он погиб — она была помята. А новую. Я почувствовал, как язык разбухает и вот-вот задушит меня. Но все равно положил «Чайку» под руку мертвецу и на мгновение ощутил, какой твердый и холодный стал Лазарь.

Гроб закопали, на холмике поставили стандартную пирамидку, сваренную из арматуры и увенчанную звездочкой. Фотографии не было — была лишь табличка «Лазарев Сергей Анатольевич». 1969—1978.

На могилу положили один только венок — убогий, грубый, с металлическими листочками и лентой с надписью «От соседей». Наскоро поставили оградку и уехали домой.

Вечером в доме Лазаря пели песни. Гости напились и уже забыли, зачем они тут. У Тамары был низкий альти, и она выводила им уверенно и красиво: «О чем, дева, плачешь, о чем слезы льёооооош». Дядя Вася в попойке не участвовал. Он сидел во дворе на лавочке и отхлебывал из бутылки что-то темное. У него исчезла неременная ухмылка.

На следующий день я первый раз в жизни пошел на кладбище один. Было ветрено. Венки шелестели, и от этого было еще страшнее. Мелькнувшая между могил собака показалась мне выкапывающимся мертвецом. Фотографии покойников злобно следили за мной. Но я шел к Лазарю. К Сергею Лазареву. Я нашел его могилу по заримеченному вчера старому высокому памятнику, где уже не сохранились никакие надписи. Рядом голубела пирамидка Лазаря. Я достал из рюкзака все машинки, которые у меня были. Я не боялся, что их украдут. Я закопал их неглубоко под основанием пирамидки. Теперь у Лазаря были свои машинки. Может, он и сейчас играет ими?